

УДК 930=161.1(045)"0/2"(47+57)(=084)

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-2-0-6

Пенской В. В.

«Некем взять...»: Александр I, реформы и русское дворянство
(Патрик О'Мара и его «Русское дворянство
времен Александра I»)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsuedu.ru

Аннотация. Проблема реформ (или революций) «сверху» в России издавна интересует историков, политологов, культурологов и других специалистов, исследующих развитие общества и его институтов. Исторический опыт показывает, что успех и неудача реформ определяется не только действиями власти, значимую роль играет и позиция общества и влиятельных групп внутри него. Британский историк Патрик О'Мара в исследовании о русском дворянстве в эпоху императора Александра I поставил перед собой цель нарисовать политический и социальный портрет этого сословия. Попутно он задался вопросом, почему реформы Александра не получили развития. Ответ исследователя носит двойственный характер. С одной стороны, он пишет о том, что император не сумел найти общего языка с дворянством и поддержки с его стороны. С другой стороны, показывает, что само дворянство *en masse* не было готово к активному участию в политической жизни ни по уровню образования, ни по интеллектуальному развитию. В статье книга О'Мары помещена в широкий исторический контекст, выводы британского историка сопоставляются с результатами других исследований и подчеркивается, что приписываемая Александру I фраза «Некем взять» действительно отражает реальную нехватку профессионально подготовленных к государственной службе и прогрессивно мыслящих людей. Слой «просвещенной бюрократии» был слишком тонок и далек от основной массы дворянства, поэтому в конечном итоге реформы не имели успеха, а новый император Николай I сделал ставку на подготовку таких кадров. Эта политика дала свои результаты спустя четверть столетия и сделала возможными «великие реформы» Александра II, но для этого потребовалось сменить поколение чиновников и администраторов.

Ключевые слова: Новое время; история России; реформы; модернизация; русское дворянство; Александр I; западная русистика

Для цитирования: Пенской, В. В. (2025), «"Некем взять...": Александр I, реформы и русское дворянство (Патрик О'Мара и его "Русское дворянство времен Александра I)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(2), 61-78. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-2-0-6

V. V. Penskoy

**"Nobody to take...": Alexander I, reforms and Russian nobility
(Patrick O'Meara and his "Russian nobility of the times
of Alexander I")**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskoy@bsuedu.ru

Abstract. The problem of reforms (or revolutions) "from above" in Russia has long been of interest to historians, political scientists, cultural scientists and other specialists studying the development of society and its institutions. Historical experience shows that the success and failure of reforms is determined not only by the actions of the authorities. The position of society and influential groups within it also plays a significant role in this process. In his study of the Russian nobility during the reign of Emperor Alexander I, British historian Patrick O'Mara aimed to provide a political and social portrait of this class. He asked himself along the way: why did Alexander's reforms stall and not develop? The researcher's answer is twofold. On the one hand, he writes that the emperor was unable to find a common language with the nobility and support from it. On the other hand, he shows that the nobility itself *en masse* was not ready for active participation in political life either in terms of its level of education or intellectual development. The article places O'Mara's book in a broad historical context, compares the findings of the British historian with the results of other researches and emphasizes that the phrase "There is no one to take" attributed to Alexander I really reflects the shortage of professionally trained to the civil service and progressive-minded people. The layer of "enlightened bureaucracy" was too thin and distant from the bulk of the nobility, so ultimately the reforms were unsuccessful, and the new Emperor Nicholas I relied on the training of such personnel. This policy yielded results a quarter of a century later and made the "Great Reforms" of Alexander II possible, but this required a change in the generation of officials and administrators.

Keywords: New time; history of Russia; reforms; modernization; Russian nobility; Alexander I; Western Russian studies

For citation: Penskoy, V. V. (2025), "'Nobody to take...': Alexander I, reforms and Russian nobility (Patrick O'Meara and his 'Russian nobility of the times of Alexander I')", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(2), 61-78, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-2-0-6

Издательство «Новое литературное обозрение» – одно из немногих отечественных издательств, которое регулярно знакомит заинтересованных читателей с работами зарубежных русистов (находясь в «позиции внаходимости», иностранные историки порой замечают такие детали российского исторического процесса, которые незаметны для историков российских). В 2023 году в издательстве вышла очередная книга из

серии «*Historia Rossica*» – перевод исследования британского историка П. О'Мара, посвященного русскому дворянству эпохи Александра I и его взаимоотношениям с императором (О'Мара, 2023). Заметим, что оригинал вышел в 2019 г. (О'Meara, 2019), так что перевод был сделан весьма оперативно, и это дополнительный плюс издательству.

Определяя цель своего исследования, его автор в «Предисловии» к «Русскому

дворянству» отмечал, что он намерен «предложить читателю детальный социальный и политический портрет русского дворянства времен царя Александра I» (О'Мара, 2023: 136). Эта цель определила и структуру работы: «Русское дворянство» открывается разделом с общей характеристикой дворянского сословия в России начала XIX в. (социальный статус и привилегии дворянства, источники социального престижа этого сословия, его имущественный статус, отношение к службе, корпоративный дух и т. п.). Следующий раздел, «Воспитание российского дворянина», позволяет составить представление относительно интеллектуальной готовности дворянства к несению государственной службы (и вывод, который делает автор, хотя он и пытается смягчить оценки современников, весьма малопривычен (О'Мара, 2023: 136-141)). Третий раздел, написанный с активным использованием материалов нижегородского архива, раскрывает перед читателем картину участия провинциального дворянства в работе органов местной администрации и дворянского самоуправления. Четвертая и пятая части «Русского дворянства» касаются вопросов, связанных с реформаторской политикой императора, в том числе и в конституционном и крестьянском вопросах, и участием в этих действиях дворянства – «просвещенного» столичного и «патриархального» провинциального. Наконец, часть шестая рисует перед читателем картину формирования радикальной оппозиции в русском дворянском сообществе. И в традиционном кратком послесловии П. О'Мара подводит общий итог своим изысканиям и предпринимает попытку, на наш взгляд, не слишком удачную, перекинуть мостик из эпохи Александра I в Россию начала XXI в.

Почему именно дворянство стало объектом пристального внимания историка? У автора «Русского дворянства...» есть ответ: «Дворянство составляло ключевую элитную группу в российской дореволюционной социальной иерархии и играло жизненно важную роль в функционировании гражданского общества». Следовательно, «история дворянства – ключ к пониманию динамики самодержавия» (О'Мара, 2023: 9).

С такой постановкой вопроса трудно не согласиться. Представители дворянского сословия формировали костяк имперской бюрократии в центре и, в особенности со времен Екатерины II, на местах, и офицерского корпуса императорской армии и флота. От позиции «сорока тысяч столоначальников» и мнений, что высказывались в салонах многочисленных столичных «анн павловн шерер», зависела судьба начинаний, предпринимаемых «наверху». Собственно, именно поэтому в заголовке этой рецензии-размышления и была вынесена фраза, которую приписывают Благословенному, – «Некем взять...». В ней в концентрированном виде выражено разочарование императора относительно перспектив реформ в империи из-за отсутствия надежной опоры в том самом «гражданском» обществе, основу которого на то время как раз и составляло российское дворянство. Прослойка «просвещенных бюрократов» (см., например: (Ружицкая, 2009)), которая была и готова, и способна подготовить и реализовать либеральные реформы, оказалась слишком тонка и слишком далека от «гражданского» общества¹, чтобы составить эту опору – судьба М.М. Сперанского тому свидетельство.

Но как так получилось, что Александру I оказалось «некем взять»? П. О'Мара, основываясь на анализе обширной литературы и документов, опубликованных и хранящихся в архивах

¹ П. О'Мара со ссылкой на расчеты Дж. ЛеДонна показывает, насколько тонка была эта прослойка и

насколько далека она была «от народа» (О'Мара, 2023: 63).

(при написании исследования историк использовал материалы, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации и Центральном архиве Нижегородской области), пришел к интересному выводу. По его словам, победные итоги наполеоновских войн «предоставили Александру I уникальную возможность опереться на объединяющую национальную победу России и свою собственную беспрецедентную популярность, чтобы заручиться поддержкой *традиционно не расположенных к риску дворян* на проведение далекоидущих политических и социальных реформ... (курсив мой. – В.П.)» (О'Мара, 2023: 13). Причиной неудачи стала, по мнению историка, неспособность императора найти компромисс со знатью. Он тут же делает оговорку относительно вины самого дворянства, которое не горело желанием двигаться в сторону радикальных реформ вслед за царем. И дальше пишет: «Приведенные факты свидетельствуют о том, что в целом *низкая «политическая культура» знати удерживала Александра от каких-либо реальных усилий по созданию необходимого союза* (выделено нами. – В.П.)...» (О'Мара, 2023: 14).

Нетрудно заметить определенное, и весьма существенное, противоречие в этих построениях автора «Русского дворянства...». С одной стороны, император во многом виноват в том, что желанного для успеха реформ компромисса и согласия с дворянством достичь не удалось. Но с другой стороны, а был ли вообще возможен такой компромисс, учитывая упомянутую низкую политическую культуру дворянства и его консервативный в целом настрой? А во что могло вылиться недовольство дворянства, Александр прекрасно помнил на примере печальной судьбы своего отца, который пытался привести Россию в соответствие со своими представлениями о том, какой она должна быть, без учета мнения дворянства.

И кто, в таком случае, более виноват в том, что этот компромисс не состоялся?

Любопытно отметить, что в своих разысканиях П. О'Мара так или иначе пересекается с сюжетами, которые рассматриваются в работах других зарубежных и российских русистов и имеют отношение к поднятой британским исследователем проблеме взаимоотношений между верховной властью и дворянством. Выводы, к которым пришел О'Мара, пересекаются с теми, что изложены в этих работах. Так, Д. Орловски, рассматривая историю Министерства внутренних дел на протяжении XIX столетия, делает ряд любопытных наблюдений относительно природы власти в имперской России, места и роли высшей бюрократии во властной имперской иерархии, генезиса ее консервативного мировоззрения и особенностей выстраивания отношений между царем и его министрами (Орловски, 2022: 14-19, 26-30). А. Мартин подвергает тщательному анализу русский дворянский консерватизм времен Александра I, показывая на конкретных примерах то серьезное влияние, которое оказывало именно консервативное общественное мнение на политику императора и его кадровые решения (Мартин, 2021). Представление о консервативных и патриархальных настроениях, доминировавших в дворянской среде, в особенности провинциальной, можно получить, ознакомившись с исследованиями К. Пикеринг Антоновой и Т. Литвиновой (Литвинова, 2019; Пикеринг Антонова, 2019.). Особенности эволюции правовой культуры русского общества, и в особенности дворянства, в имперской России рассматриваются Р. Уортманом (Уортман, 2004).

Этот краткий историографический экскурс сделан нами не случайно. Названные исследования, и не только они (во многом благодаря той самой «позиции вненаходимости»), рисуют нам несколько иную картину имперской России, ее власти,

общества и взаимоотношений между ними, чем та, которая так привычна нам со школьной и студенческой скамьи, в особенности применительно к важнейшим вопросам о реформах конституционной и крестьянской. Эта картина, намного более сложная и многоплановая, позволяет составить более объективное представление о перспективах «революции сверху» в России XVIII и в особенности XIX столетий. На наш взгляд, истинный смысл и значение книги британского историка будут понятны только в том случае, если мы поместим ее в конкретный исторический контекст.

Говоря о «революции сверху» в России, мы исходим из знаменитой фразы А.С. Пушкина, в которой в концентрированной форме выражена суть политики верховной власти в империи, начиная чуть ли не со времен Ивана III: «Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie...». Для сравнения стоит привести тезис, который выдвинул Д. Орловски в своем исследовании. Он писал в 1981 г., что при обсуждении сущности власти в России необходимо принимать в расчет то обстоятельство, что «по крайней мере с XV века русской землей управлял весьма организованный и достаточно квалифицированный бюрократический аппарат». Аппарат этот в своей деятельности опирался на подход, суть которого передавалась из поколения в поколение и состояла «в убежденности в примате государственной власти и легитимности государственного вмешательства практически в любые аспекты социальной и экономической, а равно интеллектуальной и религиозной жизни» (Орловски, 2022: 26). При этом «русская традиция интервенционизма полицейского государства выражалась в понятиях “попечительство” или “опека” применительно как к обществу в целом, так

и к конкретным группам внутри него» (Орловски, 2022: 26).

Итак, на взгляд Д. Орловски, для русской бюрократии были характерны этактистский настрой и идеи государственного патернализма. Однако откуда произрастают эти настроения? Д. Орловски полагает, что подобные настроения зародились еще в XV в. и, надо отметить, он не одинок в этом. Так, например, известный американский русист Н. Коллманн также исходит из того, что административные практики и стратегии управления в России существенно не переменились с середины XV столетия и до начала XIX в. (а мы заметим, что и позднее, как минимум до середины XIX в., эта преемственность прослеживается достаточно четко) (Kollmann, 2017: 1-7, 9-38, 457-461). Не менее примечательны наблюдения, сделанные отечественным историком Ю.Г. Алексеевым. Характеризуя сущность раннемодерного Русского государства, он отмечал, что его можно назвать «земско-служилым»². Это государство, по его мнению, основывалось на служилых отношениях и общинных институтах, которые «пронизывали» весь внутренний строй России; государство представляло собой иерархическую систему общин-«корпораций», подчиненных верховной власти московского государя. Земско-служилый характер государства, по мнению Алексеева, на деле предполагал, во-первых, безусловный приоритет общеземского интереса над частным, «корпоративным»; во-вторых, обязательность государственной службы («тягла») для всех его жителей; а в-третьих, патернализм как основу отношений между государем и его подданными (Алексеев, 2001: 431, 432, 433, 434).

Подобного рода отношения отнюдь не являются чем-то из ряда вон выходящим. Скорее наоборот, они характерны для

² Примечательно, что еще в 1969 г. французский историк Р. Мунье отнес Русское государство в своей

классификации к «литургическим» (Mousnier. 1973: 115-126).

обществ так называемой «Первой волны», о которых писал американский культуролог Э. Тоффлер. Таким «деревенским» аграрным социумам как раз присущи патриархальность, авторитарность, доминирование авторитета и общего над частным (Тоффлер, 2004: 38, 52). В том же, что русское общество в XV–XIX вв. оставалось по преимуществу обществом «Первой волны», сомневаться не приходится.

Добавим к этому православную идею ответственности государя перед Богом за врученные ему свыше государство и общество как первооснову русской *Kaiseridee*, внедряемую с конца XV в. русскими книжниками – Иосифом Волоцким, его учениками и последователями – в общественное сознание (Алексеев, 2019: 118-120; Витлин, 2021: 161-165 и др.). К середине XVI в. образ государя-пастыря (олицетворения государства), неустанно пекущегося о врученном ему Господом «стаде Христовом», о его телесном и душевном благополучии, пастыре, который и милостив, и, когда это необходимо, «крут», прочно закрепился в духовной и политической культуре Русской земли (Аверинцев, 2005: 350-352; Каравашкин, 2021: 332-334).

Итак, патриархальность и патернализм как характерные черты социально-политических отношений в Русском государстве и обществе, с одной стороны, определяли лицо и государства, и общества, а с другой, способствовали складыванию той самой традиции «интервенционизма», присущей русским административным практикам. Эта патриархальная, до мозга костей традиционалистская установка как нельзя более успешно «встроилась» в идею «регулярного» *Polizeistaat*, которую попытался реализовать Петр Великий в начале XVIII в. Касаясь происхождения и сущности доктрины «регулярного» государства, американский историк М. Раефф подчеркивал, что эта идея

возникла как результат Реформации. Государство, подчинив себе церковь, поставило себя в положение единственной силы и источника регулирующей власти на контролируемой им территории. Соединив в своих руках оба «меча», и светский, и духовный, власть тем самым взяла на себя ответственность не только за тело, но за души своих подданных. «В результате изменились традиционные полномочия правительства (т. е. органа управления): *на смену пассивной обязанности поддержания законности пришла активная, динамичная задача развития производительной энергии общества и создания для этого надлежащей институциональной основы* (выделено нами. – В.П.)...», – подчеркивал Раефф. Новая стратегия управления естественным образом породила убеждение, что «сильное независимое правительство и могущественный правитель являются необходимыми предпосылками для духовного и материального благосостояния подданных; подразумевалось, что счастье последних равнозначно максимальному использованию творческого потенциала государства богоугодным образом» (Раефф, 2000: 50, 52, 53, 54).

Итак, «сильное независимое правительство и могущественный правитель» – неперемные условия успешной реализации доктрины «регулярного» *Polizeistaat*. Отсюда и соответствующее, «гувернаменталистское» мировоззрение (И.В. Ружицкая) высшего слоя российского чиновничества. Согласно этому подходу, *главным субъектом и инструментом в деле преобразования России выступает государство, а главным инициатором любых перемен в государстве и обществе мог быть только император* – «от помазанника Божьего ждали санкции на преобразование российской жизни» (Ружицкая, 2009: 7).

Однако насколько русское раннемодерное государство как институт и его государь как субъект властных отношений и «демиург» соответствовали

этим требованиям? Насколько совпадали политическая теория и административная практика, русская *Kaiseridee* и *Staatrecht*? Ответ на этот вопрос будет скорее негативным, нежели позитивным. Как отмечал К.В. Петров, российское раннемодерное государство представляло собой слабый социальный институт по сравнению с государством современным, почему «возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе» (Петров, 2008: 375, 376).

Эта дуалистичность была связана с тем, что раннемодерные государства вообще, а русское в особенности (в силу его ресурсной бедности прежде всего), на первых порах не обладали в должной степени развитой инфраструктурой власти (бюрократией, отлаженной фискальной системой, развитым аппаратом насилия и т. п.). Процесс «накачивания» властной «мускулатуры» растянулся на несколько столетий и даже в XVIII веке был далек от завершения. Характерный пример слабости власти на местах в начале правления Екатерины II приводит С.М. Соловьев. Характеризуя провинциальные нравы той эпохи, историк писал, что не только от злоупотреблений со стороны коронных чиновников страдали обыватели, но и со стороны «мужиков-горланов». Эти «сильные люди» отнюдь не стеснялись в отношении «меньших людей», особенно если брали под свой контроль местное самоуправление. «Но случалось, что он [«мужик-горлан». – В.П.] встречался в городе с другим мужиком-горланом, который также имел сильную партию и не хотел уступать; тут-то начиналась ожесточенная борьба между этими Борецкими XVIII века, причем и вооруженные нападения одной партии на

другую усиливали сходство с явлениями из жизни Великого Новгорода» (Соловьев, 1994: 207). Примером тому служило, продолжал дальше Соловьев, противостояние между двумя претендентами на должность магистратского президента в Орле, богатыми купцами Дмитрием Дубровиным и Николаем Кузнецовым, не стеснявшимися в средствах достижения победы над оппонентом – так, что дело дошло до того, что Дубровин, опираясь на вооруженные шайки своих людей, практически захватил власть в городе и ни во что не ставил орловского воеводу (Соловьев, 1994: 207-208).

Описанный казус вовсе не был чем-то из ряда вон выходящим. Модерное государство в том виде, в каком мы его знаем, в большей степени порождение эпохи империализма, но никак не *Ancien régime*. Россия в этом отношении не была исключением. На протяжении долгого времени, вплоть до середины XVII в. как минимум, как отмечал Н.Н. Покровский в предисловии к биографическому очерку об Иване III, написанном Ю.Г. Алексеевым, «система власти базировалась не на единственном понятии “государство”, а на двух понятиях – “государство” и “общество”, на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности» (Алексеев, 1991: 5-6). Естественно, что при таких раскладах «мужики-горланы», подобные Дубровину, по традиции претендовали на политическую субъектность и пытались реализовать свое право на власть.

Такое положение дел не устраивало власть, и она постепенно, шаг за шагом, сокращала поле деятельности «мужиков-горланов» и им подобных претендентов на власть на местах. Петр I попытался решить

эту проблему раз и навсегда. Руководствуясь идеей доведенного до абсолюта самодержавного правления («Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять» (Памятники русского права, 1961: 325)) и представлением о себе как о пастыре, желающем добра своему народу, пусть даже и через насилие («что мало охотников и то правда, понеже наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел не все ль неволею сделано и уже за многое благодарения слышится, от чего уже плод произошел» (О заведении в России фабрик., 1830: 150)), царь-реформатор попробовал изменить традицию двоевластия, поставив во главу угла государство и его интересы. Монарх был абсолютно уверен: что хорошо для государства, то будет хорошо и для его подданных, и ему виднее, что есть благо и как его достичь (Правда воли монаршей, 1722: 36). «Ключом» к достижению успеха для Петра, как отмечал российский исследователь Д.А. Редин, являлась «вера в то, что именно хорошо отлаженное государственное администрирование являлось своеобразным ключом к счастью» (Редин, 2012: 320). Старая административная система с ее неизбежными «люфтами» и гибкостью, необходимой для приспособления к местным условиям и реалиям, царя-реформатора не устраивала, и он предпринял решительную попытку изменить и административную традицию, и основы правовой культуры, придав им «регулярный» характер.

Увы (или к счастью, ибо, в случае реализации петровского замысла, по словам русского историка

М.М. Богословского, «подданный не только обязан был нести установленную указами службу государству, он должен был жить не иначе, как в жилище, построенном по указному чертежу, носить указное платье и обувь, предаваться указным увеселениям, указным порядком и в указных местах лечиться, в указных гробах хорониться и указным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указные сроки» (Богословский, 1902: 12-13)), петровский кавалерийский наскок успеха в конечном итоге не имел. Вместе с тем трудно не согласиться с мнением Д.А. Редина, который отмечал, что воспринятая Петром всем сердцем и разумом идея «регулярного» государства после его смерти «стала играть роль государственной идеи», так что «нереализованные при жизни первого российского императора, сформулированные им концептуальные положения стали программным ориентиром государственного строительства и общественного развития на столетие вперед» (Редин, 2021: 315). Менялись лишь методы – от грубых и жестких, весьма прямолинейных (и от того вызывавших недовольство того самого дворянства), как при Павле I, до мягких и «непрямых», как при Екатерине II, – но сама суть политики, ее общий вектор, оставались неизменными.

Неизменными оставались и проблемы, которые препятствовали воплощению в жизнь идеала «регулярства». «Российская бюрократия, якобы всеильная, оказалась в действительности неэффективной, особенно на местном уровне», – отмечал американский историк Д. Гриффитс. Вот они, последствия петровского наскока и стремления сократить до минимума участие «земли» в местном самоуправлении – ибо «в уездах ис крестьянства умных людей нет»! (Воскресенский, 1945: 61). Испытывавшая острейшую нехватку квалифицированных кадров, коронная бюрократия не

справлялась со своей работой, и если раньше «земское» самоуправление хотя бы частично разгружало ее, то после петровских преобразований эта подмога отошла в прошлое. Взятничество, коррупция, лихоимство были еще не самыми страшными ее грехами; для верховной власти более опасным была неспособность администрации на местах контролировать ситуацию (орловский казус – яркий тому пример!).

Выход из этого кризисного положения выглядел очевидным – «улучшение работы местной администрации зависело от привлечения большого числа людей с нужными навыками на бюрократические должности. Вот здесь и нужно было дворянство», – характеризовал Гриффитс мотивы политики Екатерины II, которая, как и Петр I, была убеждена в благотворности практической реализации доктрины «регулярного» государства (Гриффитс, 2013: 195-196). Жалованная грамота Екатерины дворянству 1785 г., закреплявшая доминирующее положение дворянства в социальной структуре российского общества, как раз и преследовала цель привлечь дворянство к активному участию в местном самоуправлении. Тем самым немногочисленная и недостаточно эффективная коронная администрация оказалась бы освобождена от исполнения целого ряда второстепенных функций, не связанных с исполнением функций первостепенных («война и финансы – эти два вопроса с конца XV века надолго поглощают всецело внимание центральной власти. Все другие существенные реформы, особенно реформы в государственном управлении, в конце концов всегда вызываются этими двумя главными нуждами» (Милюков, 1918: 150)). Привилегии в обмен на активное участие в управлении государством на местном уровне – по большому счету, вот истинный смысл этой грамоты.

Но насколько дворянство было готово к этой сделке? В том, что оно хотело закрепить за собой особый привилегированный статус – сомнений нет, итоги работы екатерининской Уложенной комиссии свидетельствуют об этом более чем наглядно. Но стремилось ли оно выступить в роли той силы, которая смогла бы дать импульс к развитию имперской бюрократии, как того желала императрица? Вот здесь и находится та самая «квадратура круга», попытку решения которой предпринял П. О'Мара в своем «Русском дворянстве...».

Говоря о привлечении дворянства к участию в местном самоуправлении (право, которое было даровано ему Екатериной II), необходимо ответить на два главных вопроса. Первый касается готовности и желания дворянства участвовать в этой непростой работе. «Движимые честью, а не принуждением, [дворяне. – В.П.] станут как агентами государства на местном уровне, так и участниками сословного саморегулирования: дворяне должны были стать судьями, офицерами полиции, вдохновителями развития сельского хозяйства и даже собирателями генеалогий», – отмечал Д. Гриффитс (Гриффитс, 2013: 196). Второй – насколько оно было готово к этому участию в интеллектуальном и профессиональном отношениях? Картина, которую рисует перед читателями британский историк, весьма любопытна и наводит на мысль о необходимости пересмотра устоявшихся взглядов на проблему реформ «сверху» в России первой половины XIX в.

Касаясь корпоративной идентичности и самосознания русского дворянства второй половины XVIII в. П. О'Мара, следуя традиции (см., например: (Экштут, 1998: 43)), отмечает, что для этого сословия было характерно отношение к службе как к краеугольному камню системы ценностей и кодекса чести дворянина: не служить было стыдно (О'Мара, 2023: 27). Именно к этому корпоративному чувству чести и долга апеллировала Екатерина II, жалуя

дворянство своей грамотой 1785 г. и рассчитывая на ответную реакцию с его стороны. Но насколько глубоко эта психология проникла в сознание дворянства, особенно мелко- и беспоместного провинциального? О'Мара, утверждая, что служба есть первооснова дворянского мировоззрения, отмечал, однако, что «значительной проблемой для царского правительства было широко распространенное нежелание со стороны многих провинциальных дворян принимать участие в выборах на посты, от которых зависела эффективность местного управления» и что «широко распространенное уклонение от выборной службы стало серьезной проблемой в царствование Александра и только усугубило трудности правительства в привлечении дворянства к задачам государственного управления» (О'Мара, 2023: 28, 32).

Нельзя сказать, что феномен политического абсентеизма русского дворянства – явление, оставшееся вне поля зрения исследователей. Так, его характеристике уделили в свое время немалое внимание Н.Ф. Дубровин и С.А. Корф (Дубровин, 2007; Корф, 1906), из современных исследователей о нем упоминает, к примеру, Е.Н. Марасинова и Д. Ливен (Ливен, 2000; Марасинова, 1994: 96-106). П. О'Мара уделяет этой проблеме отдельный параграф III части своего исследования, носящий характерное название «Провинциальное дворянство: служба поневоле» (О'Мара, 2023: 166-179). Эту часть своей работы британский историк начал с краткой характеристики небольшого очерка В.О. Ключевского о Евгении Онегине (Ключевский, 1990: 84-101). Похоже, что такое начало не случайно. Есть ощущение, что этот очерк оказал определенное влияние на концепцию О'Мара, например, в той его части, где речь идет об образовании

русского дворянства в эпоху Просвещения. Так, Ключевский отмечал, что дворянской молодежи, от которой Петр требовал прежде всего военно-технической выучки, очень скоро пришлось жить и действовать в обществе, «в котором служебные успехи много зависели от степени светской выправки и литературного образования служащего лица». Однако, продолжал Ключевский, «эта выправка и это образование скоро получили такое ненормальное развитие, которое прививало идеи и вкусы, непригодные для государственной и земской деятельности дворянства, расширенной реформами Екатерины II (курсив мой. – В.П.)» (Ключевский, 1990: 101). И вторая часть «Русского дворянства...» (О'Мара, 2023: 66-143), в которой речь идет о воспитании типичного русского дворянина той эпохи, в изложении П. О'Мара фактически выступает развернутым изложением тезиса В.О. Ключевского, хотя и здесь он не смог избежать общей противоречивости в выводах, столь характерной для его работы.

Впрочем, эта противоречивость вряд ли неожиданна. Приводя высказывание П.А. Вяземского относительно чрезвычайно высокого культурного уровня и соответствующих интеллектуальных запросов части высшей аристократии, О'Мара дальше отмечает, что, «возможно, гордое заявление Вяземского указывает прежде всего на огромное несоответствие между образовательными целями, которые были поставлены и к которым стремились³, и стандартами, фактически достигнутыми интеллектуально расходящимися слоями дворянства эпохи Александра I (курсив мой. – В.П.) ...» (О'Мара, 2023: 141). П. О'Мара постоянно подчеркивает гетерогенность дворянства как сословия.

Не только явно недостаточным и беспорядочным состоянием образованности и интеллектуального развития («мы все учились понемногу

узкой прослойки «просвещенной бюрократии». – В.П.

³ Здесь надо, на наш взгляд, сделать неременную оговорку о том, что эти цели ставила прежде всего верховная власть в лице императора и чрезвычайно

чему-нибудь и как-нибудь...») основной массы русского дворянства британский историк объясняет распространенность абсентеистских настроений в дворянской среде. К другой важной причине, вызвавшей к жизни это явление, О'Мара относит недостаточно развитый корпоративный дух русского дворянства. При этом он ссылается на мнение ряда историков, в том числе, к примеру, на точку зрения Б.Н. Миронова. Последний в своей «Социальной истории России» в разделе, посвященном дворянским корпорациям, писал, что «дворянство с самого своего возникновения, в отличие от крестьянства и городского сословия, не знало организации типа общины» (Миронов, 2003: 510). Правда, несколькими строками ниже Б.Н. Миронов подробно расписывает именно «общинную» (или корпоративную) организацию русского служилого «чина» («служилый город») в допетровскую эпоху, отмечая, в частности, что этот «служилый город был прежде всего военной организацией, предназначенной государством для контроля за несением службы», однако «на практике он являлся также корпорацией уездного дворянства с элементами самоуправления» (Миронов, 2003: 510).

Противоречивость построений Миронова усиливается, когда он утверждает, что служилый город был не более чем «зародышем будущей уездной дворянской корпорации», поскольку «в его структуре и функциях имелись лишь некоторые элементы общинной организации: уравнительная раскладка служебных обязанностей между членами, групповое поручительство, выборы должностных лиц, за которых они ручались перед государством» (Миронов, 2003: 510-511). Как тут не вспомнить слова Н.П. Павлова-Сильванского о сущности средневековой общины! Он отмечал, что «*существо средневековой общины ... заключается не в общинном землевладении, а в самоуправлении ...*». Его основу, продолжал историк, составляла

«территориальная власть мира на землю, связывающая нескольких собственников в одно сплоченное целое и обуславливающая все их права и обязанности по отношению к миру». Отсюда Павлов-Сильванский делал вывод: «*Из этой высшей территориальной власти общины проистекает ее право на лиц, владеющих участками общинной земли, в отношении дани и в отношении суда и расправы (курсив везде мой. – В.П.) ...*» (Павлов-Сильванский, 1988: 200, 201).

Миронов противопоставляет служилый город крестьянским и посадским общинам-мирам, доказывая, что если последние – настоящие общины, то служилые города – общества с иным характером внутренних связей, хотя и те, и другие обладали рядом общих черт (Миронов, 2003: 511). Но «если кто-то ходит как утка, плавает как утка и крикает как утка, то это утка», и неважно, назовем ли мы этот субъект «миром», «общиной» или «городом» – если он соответствует ряду определяющих сущность социальной корпорации признаков, следовательно, он и есть социальная корпорация. Другой вопрос, почему Екатерине II потребовалось восстанавливать корпоративную организацию дворянства и вместе с ним – соответствующий корпоративный дух. Здесь можно и должно согласиться с мнением Б.Н. Миронова, который отмечал, что в XVII в. служилый город переживает кризис, глубина и размах которого постепенно усиливаются, пока, наконец, при Петре I он как корпорация перестал существовать де-факто (хотя сам царь-реформатор и пытался сохранить элементы дворянского самоуправления) (Миронов, 2003: 511-512).

Атомизация служилого «чина» и распад его корпоративных структур вынудили российское дворянство послепетровской эпохи искать иные способы защиты своих интересов, и, как отмечал Миронов, оно нашло его в развитии и совершенствовании института патронажа. «Он являлся важным способом

консолидации и защиты дворян, не имевших своей корпоративной организации, в условиях, когда государство не способно было оказать правовую защиту отдельному человеку и даже имело склонность к насилию и принуждению ради общего блага», – подчеркивал историк (Миронов, 2003: 512). Однако, на наш взгляд, здесь все не так просто. Безусловно, патронаж и отношения клиентелы играли важную роль в деле защиты интересов дворянства, обеспечивая карьерный рост и изменение имущественного и иного статуса дворянина в лучшую сторону.

Но способствовали ли патрон-клиентские отношения консолидации дворянства как единого сословия? Осмелимся не согласиться с такой постановкой вопроса – скорее, речь надо вести об обратном. Да, патрон-клиентские отношения в каком-то смысле уменьшали фрагментацию «шляхетства» и позволяли наладить механизмы управления ими через патронов. Однако они же препятствовали консолидации дворянства как сословия, заменяя горизонтальные связи вертикальными. Как отмечал Ш.Н. Эйзенштадт, «эти отношения [патроната. – *В.П.*] чаще осуществляются между индивидами и сетями лиц в вертикальной форме..., нежели между организованными корпоративными группами. Они, как представляется, подрывают горизонтальную организацию группы и солидарность как клиентов, так и патронов» (Эйзенштадт, 2016: 377). В итоге они только способствовали росту внутрисословной конкуренции и личного соперничества за милости со стороны «персон в фаворе» и препятствовали сплочению дворянства как единого сословия, особенно с учетом гарантированного притока в его ряды выходцев из других слоев русского общества с чуждой психологией и мировоззрением согласно новым правилам, установленным петровской «Табелью о рангах». П. О’Мара полагает, что личные амбиции дворян, их стремление сделать

успешную карьеру на государственной службе, сыграли негативную роль в формировании корпоративного духа и чувства сословной идентичности дворянства (О’Мара, 2023: 38). Немаловажно, на что обращал внимание Б.Н. Миронов, что патронаж выступал как мощный противовес властным устремлениям монархии (Миронов, 2003: 512), де-факто наделяя «персон в фаворе» властью и определенной автономией по отношению к императору и его доверенным лицам: дворянское корпоративное самоуправление носило ярко выраженный этатистский, публичный характер, тогда как патронаж – партикулярный, частный.

Такое положение не могло не вызывать опасений со стороны монархии, которая, как указывал Н. Элиас, могла столкнуться с серьезными проблемами в том случае, если сословные элиты выступили бы против нее единым фронтом. Отсюда и стремление верховной власти поддерживать противоречия и соперничество между сословными элитами и внутри них самих. «Эти противоречия и ревнивое соперничество между могущественнейшими группами элиты в его [Людовика XIV. – *В.П.*] королевстве составляли одно из основных условий полновластия монарха, называемого «неограниченным» или «абсолютным» (Элиас, 2002: 90-91). И хотя Н. Элиас делал свои выводы на основе изучения придворной жизни Франции конца XVII – начала XVIII в., тем не менее, отмеченные им характерные черты легко можно обнаружить и в России.

Будучи вынужденной разыгрывать карту патронажа, верховная власть оказывалась в двусмысленном положении. С одной стороны, она нуждалась в этом институте, поскольку он позволял хоть как-то управлять дворянством, раз уж прежние корпоративные структуры перестали функционировать. С другой стороны, патронаж таил серьезную угрозу самой власти (с этим вызовом столкнулась сама Екатерина II в начале своего правления).

Напрашивался логичный выход – ослабить патронаж, сделать ставку на «горизонтальную» корпоративность, воссоздав местные дворянские корпорации и поставив их на службу государству и «общему благу». Это и попробовала сделать Екатерина II в 1785 г., начав масштабную, но, к сожалению, не доведенную до конца сословную реформу. Эта сословная политика дополнялась активной пропагандой «служилых» корпоративных ценностей («не служить – стыдно»). В известном смысле можно вести речь о своего рода социальной инженерии, попытке создать, комбинируя административные методы и «мягкую силу», опору и инструмент для реализации политики «общего блага» на местах, минуя, по возможности, «сильных персон».

Однако вот беда, и П. О'Мара на страницах своего исследования раз за разом демонстрирует, что цель эта оказалась недостижима и для Екатерины, и для ее внука Александра. Связано это было, как показывает британский историк на страницах своей книги на конкретных примерах, и с недостаточным образовательным и интеллектуальным уровнем большей части дворянства, в особенности провинциального; и с его «политическим инфантилизмом» (Е.Н. Марасинова), не в последнюю очередь обусловленным неразвитым корпоративным самосознанием; и с традиционализмом мышления и мировосприятия дворянства, выразившимся, в частности, в предпочтении военной и административной службы в столице, но не на выборных должностях в провинции (О'Мара, 2023: 64, 169, 175 и др.); и с низким моральным уровнем немалой части дворянства (П. О'Мара показывает это на конкретных примерах в главах «Дворяне-чиновники», «Дворянское собрание в провинциальной жизни», в особенности в параграфе «Уездные суды, взяточничество и коррупция» (О'Мара, 2023: 144-179, 180-217)).

Все это, вместе взятое, выступало серьезным препятствием на пути реализации задуманной Екатериной II и продолжившим ее курс Александром I политики по активному привлечению дворянства к местному самоуправлению. Больше того, последовательное уклонение наиболее образованной части провинциального дворянства (в соответствии с моделью поведения, столь ярко и красочно описанной в упомянутом выше очерке В.О. Ключевского) от исполнения обязанностей на выборных должностях в местном самоуправлении (вместе с работой «пылесоса», исправно вытягивавшего в столицы активную молодую дворянскую поросль) неизбежно вело к тому, что верховная власть вынуждена была волей-неволей делать ставку на коронную бюрократию (О'Мара, 2023: 205). Стоит ли после этого удивляться тому, что, как отмечал Д. Орловски, «характерной особенностью высокопоставленных министерских чиновников в России на протяжении XIX века являлась глубокая убежденность в том, что политические вопросы – это исключительно их забота, а всякое политическое движение вне канцелярских стен полагалось также и вне закона, если не настоящей изменой. Более того, обществу – варварскому и себялюбивому – попросту нельзя было доверять участие в политической жизни» (Орловски, 2022: 27-28)?

Итак, подведем итоги. Получилось ли у П. О'Мара нарисовать коллективный портрет русского дворянства первой четверти XIX в.? Пожалуй, на этот вопрос можно ответить утвердительно. Портрет получился, и вышел он несколько необычным, нетрадиционным. Этот портрет позволяет сделать предположение, почему не задалась реформы в России начала XIX в. и почему императору Александру I оказалось «некем взять...». Безусловно, в общественном сознании прочно утвердились представления о том, что император выступал в роли своего рода

«демиурга» и движущей силы государства. Однако, чтобы реализовать свои потенции «демиурга», император нуждался в инструментах, в приводных ремнях, в людях, на которых он мог опереться и которые могли бы стать надежными проводниками его воли. Косное, малообразованное, традиционалистское дворянство в массе своей оказалось не готово к этой роли ни морально, ни интеллектуально. «Попытки молодого и более образованного поколения государственных служащих, главными из которых были молодые помощники и друзья царя, бороться с инерцией провинциального дворянского общества ни к чему не привели», – отмечает П. О’Мара и дальше, ссылаясь на мнение С.А. Корфа, он пишет, что «в конечном итоге их погубили грубое невежество и бескультурье российского общества» (О’Мара, 2023: 193).

Здесь кроется главное противоречие равно как эпохи, так и книги британского историка: мог ли император-реформатор найти компромисс касательно проведения этих самых реформ, таких масштабных, затрагивавших основы российской государственности и общества, как отмена крепостного права и введение конституции, с таким дворянством, особенно принимая во внимание тот факт, что реализовывать положения этих реформ на местах должно было именно это самое дворянство? Когда П. О’Мара пишет, что низкая политическая культура дворянства удерживала императора от попыток найти такой компромисс, с этим тезисом остается только согласиться. «Верхи» хотят, но не могут, «низы» же могут, но не хотят, и кто виноват в том, что сложилось такое положение, Александр I или российское дворянство? Отметим, что Николай I сделал определенные выводы из опыта правления и своей бабки, и старшего брата; понимая необходимость и неизбежность серьезных преобразований, он сделал ставку на «просвещенную бюрократию» и параллельно с этим на воспитание нового

поколения служащих, квалифицированных администраторов и бюрократов. Дворянство, «гражданское общество» как свою опору в деле преобразования России он не рассматривал, и обиженное таким пренебрежительным к себе отношением дворянство чем дальше, тем больше уходит в оппозицию к императору и к власти в целом.

Литература

- Аверинцев, С. С. (2005), *Другой Рим. Избранные статьи*, Амфора, Санкт-Петербург.
- Алексеев, А. И. (2019), *«Бодроопасный воин Христов». Иосиф Волоцкий и его сочинения в свете данных современной науки*, Центр гуманитарных инициатив, Москва–Санкт-Петербург.
- Алексеев, Ю. Г. (1991), *Государь всея Руси*, Наука, Новосибирск.
- Алексеев, Ю. Г. (2001), *Судебник Ивана III. Традиция и реформа*, Дмитрий Буланин, Санкт-Петербург.
- Богословский, М. М. (1902), *Областная реформа Петра Великого. Провинции 1719-1727 гг.*, Университетская типография, Москва.
- Витлин, В. Э. (2021), *В поисках идеала: представления о власти государя в русской публицистике первой трети XVI в.*, Центр гуманитарных инициатив, Москва–Санкт-Петербург.
- Воскресенский, Н. А. (1945), *Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностр. источники. Т. I. Акты о высших государственных установлениях*, под ред. и с предисл. Сыромятникова, Б. И., Изд-во АН СССР, Москва–Ленинград.
- Гриффитс, Д. (2013), *Екатерина II и ее мир: статьи разных лет*, Новое литературное обозрение, Москва.
- Дубровин, Н. Ф. (2007), *Русская жизнь в начале XIX века*, Изд-во ДНК, Санкт-Петербург.
- Каравашкин, А. В. (2021), *Власть и слово в средневековой Руси. Смысловые уровни полемических текстов*. Центр гуманитарных инициатив, Москва–Санкт-Петербург.
- Ключевский, В. О. (1990), «Евгений Онегин и его предки», *Сочинения в девяти томах. Т. IX. Материалы разных лет*, Мысль, Москва. 84-101.

Корф, С. А. (1906), *Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 годов*, Типография Тренке и Фюсно, Санкт-Петербург.

Ливен, Д. (2000), *Аристократия в Европе 1815–1914*, Академический проект, Санкт-Петербург.

Литвинова, Т. Ф. (2019), *«Помещичья правда». Дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века*, Новое Литературное Обозрение, Москва.

Марасинова, Е. Н. (1994), «Декабристы: аристократическая фронда в России», *Россия XXI*, 1-2, 96-106.

Мартин, А. (2021), *Романтики, реформаторы, реакционеры. Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I*, пер. с англ. Высоцкий, Л., Academic Studies Press, Библиороссика, Бостон, Санкт-Петербург.

Милуков, П. Н. (1918), *Очерки по истории русской культуры. Ч. I*, Изд-во М. и С. Сабашниковых, Москва.

Мионов, Б. Н. (2003), *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*, Дмитрий Буланин, Санкт-Петербург.

«О заведении в России фабрик, об освидетельствовании мастеров, вывезенных из других Государств, об отпуске их в отечество по миновении сроков по контрактам и об умножении производства пеньки в Великой и Малой России» (1830), *Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. VII. 1723-1727*, Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Санкт-Петербург, 150-151.

О'Мара, П. (2023), *Русское дворянство времен Александра I*, пер. А. Шокарева, Новое Литературное Обозрение, Москва.

Орловски, Д. (2022), *Пределы реформ: Министерство внутренних дел Российской империи в 1802-1881 годах*, пер. с англ. Черный, А., Academic Studies Press, Библиороссика, Бостон, Санкт-Петербург.

Павлов-Сильванский, Н. П. (1988), *Феодализм в России*, Наука, Москва.

Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. (1961), Госюриздат, Москва.

Петров, К. В. (2008), «Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева “Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.”)», *Очерки феодальной России*, вып. 12, Альянс-Архео, Москва–Санкт-Петербург, 365-382.

Пикеринг Антонова, К. (2019), *Господа Чихачевы. Мир поместного дворянства в николаевской России*, Новое Литературное Обозрение, Москва.

Правда воли монаршей (1722), Московская типография, Москва.

Раефф, М. (2000), «Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме», *Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период*, Изд-во «Самарский университет», Самара 48-79.

Ружицкая, И. В. (2009), *«Просвещенная бюрократия» (1800-1860-е гг.)*, ИРИ РАН, Москва.

Редин, Д. А. (2021), «Очарование «регулярства»: еще раз о “ментальном государстве” Петра Великого. Часть 2. “Российское имперское государство”», *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*, 75, 315-334.

Соловьев, С. М. (1994), «История России с древнейших времен. Том 25», *Сочинения. Книга XIII*, Мысль, Москва, 7-299.

Тоффлер, Э. (2004), *Третья волна*, АСТ, Москва.

Уортман, Р. С. (2004), *Властители и судьбы: Развитие правового сознания в императорской России*, Новое литературное обозрение, Москва.

Эйзенштадт, Ш. Н. (2016), «Патрон-клиентские отношения как модель структурирования социального обмена», *Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия*, Политическая энциклопедия, Москва, 366-413.

Экштут, С. А. (1998), *На службе российскому Левиафану. Историософские опыты*, Прогресс-Традиция, Москва.

Элиас, Н. (2002), *Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история, Языки славянской культуры*, Москва.

Kollmann, N. S. (2017), *The Russian Empire 1450–180*, Oxford University Press, Oxford.

Mousnier, R. (1973), *Social hierarchies, 1450 to the present*, Schocken Books, New York.

O'Meara, P. (2019), *The Russian Nobility in the Age of Alexander I*, Bloomsbury Publishing Plc., London.

References

Averincev, S. S. (2005), *Drugoy Rim. Izbrannye stati* [Another Rome. Selected articles], Amfora, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Alekseev, A. I. (2019), «*Bodroopasny voin Khristov*». *Iosif Volotskiy i ego sochineniya v svete dannykh sovremennoy nauki* [“The Vigorous Warrior of Christ”. Joseph Volotsky and his works in the light of modern science], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow – Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Alekseev, Yu. G. (1991), *Gosudar vseya Rusi* [Sovereign of All Rus], Nauka, Novosibirsk, Russia (in Russ.).

Alekseev, Yu. G. (2001), *Sudebnik Ivana III. Traditsiya i reforma* [Code of Law of Ivan III. Tradition and reform], Dmitriy Bulanin, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Bogoslovsky, M. M. (1902), *Oblastnaya reforma Petra Velikogo. Provintsiy 1719-1727 gg.* [Regional reform of Peter the Great. Provinces 1719-1727]. Universitetskaya tipografiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Dubrovin, N. F. (2007), *Russkaya zhizn v nachale XIX veka* [Russian Life at the Beginning of the 19th Century], Publishing House DNK, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Eisenstadt, Sh. N. (2016), “Patron-client relations as a model for structuring social exchange”, *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti: khrestomatiya*, Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 366-413. (in Russ.).

Ekshtut, S. A. (1998), *Na sluzhbe rossiyskomu Leviafanu. Istoriosofskie opyty* [In the service of the Russian Leviathan. Historiosophical experiments], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Elias, N. *Pridvornoe obshchestvo. Issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii, s Vvedeniem: Sotsiologiya i istoriya* [Court society. Research on the sociology of the king and the court aristocracy, with an Introduction: Sociology and history], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia (in Russ.).

Griffits, D. (2013), *Ekaterina II i ee mir: statyi raznykh let* [Catherine II and Her World: Articles from Different Years], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Karavashkin, A. V. (2021), *Vlast i slovo v srednevekovoy Rusi. Smyslovye urovni polemicheskikh tekstov* [Power and Word in Medieval Rus'. Semantic Levels of Polemical Texts]. Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow–Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Klyuchevsky, V. O. (1990), “Eugene Onegin and His Ancestors”, *Sochineniya v devyati tomakh. T. IX. Materialy raznykh let* [Works in Nine Volumes. Vol. IX. Materials from Different Years]. Mysl, Moscow, Russia, 84-101. (in Russ.).

Kollmann, N. S. (2017), *The Russian Empire 1450-1801*, Oxford University Press, Oxford.

Korf, S. A. (1906), *Dvoryanstvo i ego soslovnnoe upravlenie za stoletie 1762-1855 godov* [The Nobility and Its Estate Administration over the Century of 1762-1855], Tipografiya Trenke i Fyusno, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Liven, D. (2000), *Aristokratiya v Evrope 1815-1914* [Aristocracy in Europe 1815-1914], Akademicheskii proekt, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Litvinova, T. F. (2019), «*Pomeshchichiya pravda*». *Dvoriyanstvo Levoberezhnoy Ukrainy i krestyanskiy vopros v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka* [“Landlord Truth”. The Nobility of Left-Bank Ukraine and the Peasant Question in the Late 18th – First Half of the 19th Century], Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Marasinova, E. N. (1994), “The Decembrists: An Aristocratic Fronde in Russia”, *Rossiya XXI*, 1-2, 96-106. (in Russ.).

Martin, A. (2021), *Romantiki, reformatory, reaktionery. Russkaya konservativnaya mysl i politika v tsarstvovanie Aleksandra I* [Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought and Politics during the Reign of Alexander I], Academic Studies Press / Bibliorossika, Boston, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Milyukov, P. N. (1918), *Ocherki po istorii russkoy kultury* [Essays on the History of Russian Culture], Part 1, Sabasnikovs Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Mironov, B. N. (2003), *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticeskoy semi, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo*

gosudarstva [Social History of Russia during the Imperial Period (18th – Early 20th Century). Genesis of the Individual, Democratic Family, Civil Society, and the Rule of Law]. Dmitriy Bulanin, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Mousnier, R. (1973), *Social hierarchies, 1450 to the present*, Schocken Books, New York.

“On the establishment of factories in Russia, on the examination of craftsmen exported from other States, on their release to the fatherland after the expiration of the terms, under contracts and on the increase in hemp production in Great and Little Russia” (1830), *Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. Vol. VII. 1723-1727*, Tipografia II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Saint Petersburg, 150-151. (in Russ.).

O'Meara, P. (2023), *Russkoe dvoryanstvo vremen Aleksandra I* [The Russian Nobility in the Age of Alexander I], Translated by A. Shokarev, Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

O'Meara, P. (2019), *The Russian Nobility in the Age of Alexander I*, Bloomsbury Publishing Plc., London.

Orlovsky, D. (2022), *Predely reform. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy imperii v 1802-1881 godax* [Limits of reforms. Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in 1802-1881], Academic Studies Press / Bibliorossika, Boston, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Raeff, M. (2000), “Regular police state and the concept of modernism in Europe in the 17th-18th centuries: an attempt at a comparative approach to the problem”, *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period* [American Russian Studies: Milestones in Historiography of Recent Years. The Imperial Period], Publishing House «Samarskiy Universitet», Samara, Russia, 48-79. (in Russ.).

Ruzhitskaya, I. V. (2009), *«Prosveshchennaya byurokratiya» (1800-1860-e gg.)* ["Enlightened bureaucracy" (1800-1860s)], Publishing House of the Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (in Russ.).

Pavlov-Silvanskiy, N. P. (1988), *Feodalizm v Rossii* [Feudalism in Russia], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 8. Zakonodatelnye akty Petra I. Pervaya chetvert XVIII v. [Monuments of Russian law. Issue 8. Legislative acts of Peter I. The first quarter of the

18th century] (1961), Gosyurizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Petrov, K. V. (2008), “Did the Code of Laws of 1497 have the significance of law in its modern sense? (Regarding the article by S.N. Kisterev ‘The Grand Ducal Code of Laws of 1497 and the judicial practice of the first half of the 16th century’)”, *Essays on feudal Russia*, iss. 12, Alyans-Arxeo, Moscow – Saint Petersburg, 365-382 (in Russ.).

Pikering Antonova, K. (2019), *Gospoda Chikhachevy. Mir pomestnogo dvoryanstva v nikolaevskoy Rossii* [The Chikhachev Lords. The World of the Landed Nobility in Nicholas's Russia], Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Pravda voli monarshen [The Truth of the Monarch's Will], (1722), Moskovskaya tipografiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Redin, D. A. (2021), “The Charm of ‘Regularity’: a renewed exploration of Peter the Great's 'mental state'. Part 2. ‘The Russian Imperial State’”, *Dialogue with Time. Almanac of Intellectual History*, 75, 315-334 (in Russ.).

Soloviev, S. M. (1994), “History of Russia from Ancient Times. Vol. 25”, *Sochineniya. Kn. XIII* [Works. Book 13], Mysl, Moscow, Russia, 7-299 (in Russ.).

Toffler, A. (2004), *Tretya volna* [The Third Wave], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Vitlin, V. E. (2021), *V poiskax ideala: predstavleniya o vlasti gosudarya v russkoy publitsistike pervoy treti XVI v.* [In Search of the Ideal: Ideas about the Power of the Sovereign in Russian Journalism of the First Third of the 16th Century], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow – Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Voskresenskiy, N. A. (1945), *Zakonodatelnye akty Petra I: Redaktsii, proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobitiya i inostrannye istochniki. T. I. Akty o vysshikh gosudarstvennykh ustanovleniyakh* [Legislative Acts of Peter I: Editorial Draft Laws, Notes, Reports, Reports, Petitions, and Foreign Sources. V. I. Acts on the Supreme State Institutions], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow-Leningrad, Russia (in Russ.).

Wortman, R. S. (2004), *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [Rulers and Judges: The Development of Legal Consciousness in Imperial Russia], Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов:
автор не имеет конфликта интересов для
деклараций.*

*Conflict of Interests: the author has no
conflict of interests to declare*

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsuedu.ru

ORCID 0000-0002-4092-8992,
ResearcherID: S-7698-2016,
Scopus Author ID: 57190883623

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University, Pobedy St., 85, Belgorod, 308015, Russia; penskoy@bsuedu.ru

ORCID 0000-0002-4092-8992,
ResearcherID: S-7698-2016,
Scopus Author ID: 57190883623